

Помнят горы песни багши

Category: Aýdym-saz sungaty, Kitapcy

написано kitapcy | 24 января, 2025

Помнят горы песни багши ПОМНЯТ ГОРЫ ПЕСНИ БАГШИ

Я хочу рассказать о народном багши Довлетгельди Окдирове. О его ярком таланте еще долго будут помнить, и прекрасные звуки его песен навсегда останутся в памяти людей.

Деда Довлетгельды звали Нурмамет. Он был купцом. Как-то вовремя, Гекдепинской войны, он возвращался в родное село. Вдруг услышал стон и всхлипывания из кустов. Пошел на голос и увидел в зарослях окровавленную женщину. Привез ее в село, вылечил. Она стала его женой, а звали ее Амангуль. Ее единственный пятнадцатилетний брат Шихнепес погиб в битве под Гекдепе. Поэтому, когда родился сын, Амангуль дала ребенку имя брата. Но не суждено ей было растить малыша, вскоре она умерла. Муж запомнил ее последние слова:

– В Гекдепе живет мой дядя Гурбанмурат. Он хороший багши. Одинокий человек. Найди его и привези сюда.

Нурмамет отыскал Гурбанмурата и привез его в Нохур. Тот остался в селе навсегда, хотя часто навещался в родные места.

Однажды на свадьбе в Кесеаркаче во время пения он порвал жилы – слишком туго был натянут на нем пояс. Бедняга тут же на месте скончался.

В честь дяди Шихнепес назвал сына Гурбанмуратом. Вот этот самый Гурбанмурат и есть отец Довлетгельды – Окдир-ага. Рассказывают, что он хорошо пел, хоть и не держал в руках дутара. Особенно вдохновенно распевал он во время сенокоса в горах. Его красивый, завораживающий голос разносился далеко по ущелью.

Он сожалел о том, что не мог играть на дутаре, и мечтал, что научит этому будущего сына.

Кстати, нохурский Кел багши (его настоящее имя Байрамалы) в честь рано ушедшего из жизни Гурбанмурата-багши назвал своего сына. Повзрослев, он стал известным багши в окрестностях

Нохура. Но, когда наступили трудные времена, перебрался в Иран.

Весной 1939 года жители аула отправились в горы на летовку. В один прекрасный день по ущелью Пирдере разнеслась весть: у Окдира родился сын! Когда счастливому отцу сообщили об этом, он, прихватив с собой корову, отправился в аул Дайна. Там он зашел в дом дутарных дел мастера Ягмура Кязима. Хозяина дома не оказалась – ушел в горы на охоту. Сначала Окдир-ага растерялся, но потом направился к дому Досталы-багши. Сообщив ему о своей радости и оставив корову, он ушел, бережно унося в руках драгоценную ношу – дутар.

Этот дутар сейчас хранится у младшего брата Довлетгельды.

Брат вспоминает:

– Когда Довлетгельды был маленьким, отец купил ему красные ботинки. После Довлетгельды их носил я, затем наш младший братишка Тахир, а потом и все остальные по очереди. Если не ошибаюсь, ботиночки и сейчас целы, хранятся как память.

Однажды мы с братом встретили на автобусной остановке возле университета багши Оденияза Нобата. Довлетгельды подошел к нему:

– Здравствуйте, учитель! Что вы здесь делаете в такую жару?

– Ай, здесь находятся мои мучители. Никак не могу получить отметку.

– Учитель, но ведь вы сами – целый университет. Да и преподаватели не видят выгоды для себя. Если бы я был вашим преподавателем, пригласил бы вас к себе домой, заставил бы петь и наслушался бы от души, а потом поставил бы в зачетку пятерку. А если бы вы не согласились петь, поставил бы «неуд». Довлетгельды тут же пригласил Оденияза-багши к себе домой. Уж там они дали себе волю! Столько песен спели! «Огулбег», «Ширмайы дарак», «Шелепли дурна», «Совдугим»... После каждой песни Оденияз не уставал благодарить:

– Довлетгельды-джан, пой свои песни так, как ты умеешь. Не надо подражать другим. У тебя своя манера. А вообще, чует мое сердце, оставишь всех нас без куска хлеба, – пошутил он.

Но в этой шутке прозвучала высокая оценка.

Довлетгельды никогда не подражал своим учителям, хотя и пел

песни Хыдыра-багши, Нобата-багши, Гирмана-багши, Магтымгулы-багши, цыгана-багши, Ораза Салыра... И даже песни Нурберды Гулова.

* * *

Собственных песен у Довлетгельды свыше двадцати. Но на радио записано только десять. И только после смерти прозвучали популярные в народе песни «Дениз гушум» и «Гозеллерден зыяда». Он был очень требователен к себе. Помнится, летом семьдесят девятого года я написал о Довлетгельды небольшую статью. Вместе с его портретом она была опубликована в газете «Эдебият ве сунгат». В тот день мне позвонил заместитель председателя Союза писателей Курбандурды Курбансахатов.

– Увидел в газете твою статью. Я очень уважаю Довлетгельды как багши. Вот только он редко выступает по телевидению. Надо бы организовать запись часового концерта Довлетгельды. Ты скажи ему об этом. Если он согласен, я договорюсь.

Впоследствии я еще раз убедился в том, как уважительно относился к Курбандурды-ага к багши. Это было в начале девяносто первого. Я тогда работал на радио. Курбансахатов попросил меня переписать на кассету песни Довлетгельды, и я с большим удовольствием выполнил его просьбу.

Я поблагодарил писателя за заботу о Довлетгельды. Тотчас разыскал багши и передал просьбу. Багши очень обрадовался, но сразу ответа не дал. Но и потом, когда я заводил об этом разговор, ничего конкретного не отвечал.

Довлетгельды не был, как некоторые тщеславен. Никогда не выставлял напоказ свои радости или переживания. А еще он не любил громких слов и никогда не принимал участия в пустых спорах. Даже когда споры касались его творчества. Чаще всего в таких случаях он вставал и уходил, говоря: «А что я могу сделать, если не понимают?»

Любопытна история, связанная с песней «Зулпун». Он исполнил свою новую песню перед двумя уважаемыми музыкантами. Оба, не сговариваясь, назвали ее «народной». «Да нет, это не народная песня, – возразил автор. – Но если вы хотите, пусть она будет

представлена как народная, воля ваша». Сделали запись на радио. Так в эфире появилась песня Довлетгельды «Зулпун», которую называли народной. Спустя два года поэт Назар Гуллаев выступил в печати со статьей, в которой доказывал, что песня является творением Довлетгельды. Назар Гуллаев был близким другом Довлетгельды, он хорошо знал, как рождалась эта песня. После статьи Назара Гуллаева отовсюду стали поступать отклики. Читатели настояли, чтобы в Союзе композиторов было проведено прослушивание песни. Довлетгельды был в ударе, и председатель Союза Ашир Кулиев первым пожал ему руку:

– Это не просто мелодия. Это целая эпопея!

Не каждому было дано услышать такие слова от Ашира Кулиева, очень требовательного композитора.

Из воспоминаний о Довлетгельды на третий день после смерти.

Много лет Довлетгельды проработал в Институте усовершенствования учителей. Однажды он поехал в командировку с Сакарский этрап. Хозяин дома, где он остановился, пригласил его вечером на концерт в кои веки приехавшего Сахи-багши, на что Довлетгельды с восторгом отозвался:

– Обязательно пойдем! Ведь Сахи Джеббаров – воистину гордость туркменского народа.

Вечером Довлетгельды с хозяином, придя в клуб, сердечно поздоровались с Сахи-ага. Заведующий клубом начал представлять зрителям концертную группу Сахи-багши.

Кто-то выкрикнул из зала:

– А почему вы не называете имя Довлетгельды Окдилова? Или он не поет?

– В списке гастролеров имени Окдилова нет! – раздраженно ответил завклубом.

Но парень, который задал вопрос, не уступал, стоял на своем. Не разобравшись, что к чему, зрители встали на его сторону. Поднялся такой шум, что никто уже не слушал завклубом. Тогда Довлетгельды, воспользовавшись случаем, подошел к микрофону и попросил внимания. Все мгновенно стихло.

– Здравствуйтесь, уважаемые отцы, матери и братья. Меня зовут Довлетгельды Окдилов. Огромное спасибо вам за оказанное мне уважение. Но я хочу сказать вам вот что: без согласия Сахи-ага

я не только не буду петь, но даже не притронусь к струнам. И вообще я такой же зритель, как и вы. И прошу вас вспомнить наше почитание старейшин, наше уважение к учителям.

Один старик заметил из зала:

– Правильно говоришь, Довлетгельды-джан. Вы все слышали его ответ?

А Сахи Джембар сказал:

– Спасибо тебе, Довлетгельды, за эти слова. Но ты и сам не уступишь ни одному багши, скорее всего, даже превзойдешь.

Сам Сахи исполнил несколько песен, а потом сказал:

– Довлетгельды-джан, спой тоже!

И хотя Довлетгельды отказывался, говорил, что после учителя ему неловко выступать, Сахи-багши сумел его уговорить.

* * *

Однажды в разговоре кто-то неожиданно спросил у Сахи-ага: «А каков Довлетгельды багши?»

Сахи-ага ответил:

– Есть несколько требований к настоящему багши. Во-первых, у него должна быть острая рука. Как бритва. У Довлетгельды это есть. Народную музыку он исполняет не хуже знаменитых музыкантов. Второе требование в том, чтобы он мог копировать понемногу всех своих учителей. Но только для самого себя, не для выступлений. Ну, и третье условие – настоящий багши должен уметь извлекать музыку не только из каждого слова, но и из каждой буквы. Это тоже по силам Довлетгельды. Честно говоря, я сам не могу этим похвастать. Ну, и в конце концов, господь одарил Довлетгельды прекрасным голосом.

* * *

После нескольких лет работы на радио Довлетгельды решил поступить в аспирантуру. Слух об этом дошел до Сахи Джембара.

– Довлетгельды, я слышал, что ты собираешься уходить. Тебя, что обидели?

– Да нет, учитель. Никто меня не обижал. Собираюсь в аспирантуру. Многие мои сверстники учатся. Думаю, что и мне

надо...

– Пусть твои сверстники учатся, если хотят. А ты Богом создан багши, вот и будь им.

Но Довлетгельды своего решения не изменил.

Позже, как-то в разговоре, Сахи Джембар сказал: «Зря Довлетгельды идет в аспирантуру. Одна его песня «Зулпун» достойна того, чтобы дать за нее звание кандидата наук».

* * *

В Институте усовершенствования учителей Довлетгельды назначили заведующим кафедрой. Ему сказали, что в связи с новой должностью он должен оставить свою творческую деятельность. Он поинтересовался причинами такого запрета. Ответ был таков:

– Ты теперь заведующий кафедрой. Посещаешь школы. К тому же, член партии. Деятельность багши несовместима со всем этим.

Значит, надо было выбирать. Либо петь, но лишиться должности и партбилета, либо оставить любимое занятие. Довлетгельды согласился не петь, но один Бог знает, что испытала при этом его душа! Единственное, что согревало: никто не может отнять у него любимое занятие, которое стало частью его жизни и владеет его сердцем безраздельно! Он пел для друзей, близких, для себя, но в эфире его песни не звучали лет шесть. Видимо, тогда Довлетгельды поступил мудро, так как понимал, что если будет упрямиться, то потеряет все сразу. И он чувствовал, что какие-то неведомые силы преследуют его и ждут от него неверного шага, чтобы сломать и уничтожить. Так что, по большому счету, все упиралось не только в должность или партбилет. Его хотели уничтожить как талантливого человека, как личность. К сожалению, было такое время! Дай Бог, чтобы это никогда не повторилось!

Довлетгельды не мог смириться с тем, в какие условия он был поставлен! Чувствовал себя беззащитным, задавленным.

В конце концов Довлетгельды принял решение. Он оставил кафедру. Об этом периоде жизни Довлетгельды тогдашний заведом ЦК КПТ Нуры Байрамсахатов говорит: «Как-то, найдя подходящий момент, я сказал тогдашнему второму секретарю ЦК

КПТ Василию Назаровичу Рыкову, что на радио не пускают талантливого багши Довлетгельды Окдилова. Только после этого его голос вновь зазвучал по радио».

Позже Довлетгельды не раз предлагал радио свои новые песни «Бедевлерден сайланарсын» и «Гозеллерден зыяда». Но всякий раз «находились» причины, чтобы отказать. После этого Довлетгельды больше никогда не делал записей ни на радио, ни на телевидении. Самой последней была песня «Гарып». А еще три-четыре записи, сделанные им в ту пору, бесследно исчезли. Это очень больно ранило его. Но незадолго до смерти удалось все-таки записать авторский концерт с участием Довлетгельды. Аккомпанировали ему таланиливый гиджакист Сапар Ишанкулиев и дутарист Ягмур Нургельдыев.

* * *

Воспоминание:

«Кажется, это было в конце шестидесятых. Документы на присвоение Довлетгельды почетного звания были направлены в ЦК КПТ. Но там они бесследно исчезли.

Как то мы шли с братом по улице и встретили человека, который прежде работал «наверху». Довлетгельды уважительно поздоровался:

– Саламалейкум, ага! – и подал ему руку. Я промолчал. Старик не выпускал руки Довлетгельды:

– Сынок! Я учился вместе с твоим отцом. Не могу себе простить одной ошибки.

– Какой? – спросил Довлетгельды.

– Очень виноват перед тобой. Наслушался разных разговоров и не пустил твои документы на звание.

Довлетгельды тогда ответил:

– Не огорчайтесь, ага, мне достаточно звания, присвоенного отцом. Больше мне ничего не надо. Да и потом, вы человек, который очень много сделал для своего народа. Не стоит виниться. Будьте здоровы. Не звание делает человека настоящим багши. Просто надо им быть. А потом уже можно и звания присваивать. Когда я где-то появляюсь, меня обязательно просит

спеть. Для меня нет большего счастья.

А старик в ответ:

– Ах, я все это понимаю. Но я других послушался. Виноват перед тобой.

Это был мужественный поступок. Яшули нашел в себе силы признать свою ошибку спустя столько лет.

В начале шестидесятых чуть ли не каждый день по радио звучала узбекская песня «Наманганские яблоки». Тогда-то и возникла у Довлетгельды мысль: «А разве у туркмен нет таких вкусных плодов, о которых можно сложить песню?» Не теряя времени, он пишет песню «Гранаты Сумбара» на слова поэта Меретгулы Гаррыева. Она получилась очень удачной, со временем стала любимой песней народа. Довлетгельды в ту пору уже был аспирантом».

* * *

Было такое время, когда объединили два района – Гызыларбатский и Гарригалинский. Тогда же у Довлетгельды родилась песня «Горы выдавшие, Фраги». Вскоре Гарригала вновь стал самостоятельным районом. Видимо, этому способствовали чуть ли не каждый день по радио строки из песни: «Если окажешься гостем в Гарригала»... В то время Довлетгельды отправился в командировку в те места. прослышав о том, что Довлетгельды в Гызыларбате, гаррыгалинские учителя, несмотря на скверные дороги, взяли машину и отправились на встречу. Они сердечно благодарили Довлетгельды за то, что он воспел их Гарригала.

* * *

Брат: В пятьдесят девятом году я учился на первом курсе. Чуть ли не каждый день встречался с Довлетгельды. Однажды застал такую картину в общежитии: друзья наперебой уговаривают его поехать в Бахерден, в аул Акдепе, на свадьбу. А он отказывается, ссылаясь на нездоровье. Видимо, у Довлетгельды не было настроения ехать. Тогда кто-то сказал, что на свадьбе будет петь Цыган-багши. «Вы не обманываете?» – оживился Довлетгельды. Стал собираться. И мне предложил тоже поехать.

Отправились с шиком, на «Победе». Остановились у аула под тутовым деревом. Хочу сказать, что Довлетгельды и Цыган никогда друг друга не видели до того случая. Вот так сидим, и вдруг один из парней спрашивает: «Вы говорили, что приедет Довлетгельды Окдиров. Вы меня обманули?» «Да нет, вот он, Довлетгельды», – показали ему. Тогда-то они сердечно поздоровались. Цыган-багши назвал его ласково «Довжан». Много похвальных слов говорил о его голосе.

Незадолго до смерти брата я стал свидетелем разговора двух багши. Это было на свадьбе. Довлетгельды называл Цыгана-багши «халыпа» – учитель. Цыган-багши сказал:

– Довжан, ты называешь меня халыпа, а сам не исполняешь ни одной моей песни. Чему же ты у меня научился?

То ответил, что выучил у него песни «Бидерт ярым» и «Оразым». И тут же исполнил их, да так, что слушатели примолкли, зачарованные.

Когда он закончил петь, Оразгельды крепко обнял Довлетгельды. «Довжан, да ты просто чудо, твоему голосу нет равных!»

А потом добавил:

– Довжан не называй меня больше «халыпа», ты уже сам стал наставником.

На третий день после смерти Довлетгельды, на поминках, мне сказали, что какой-то яшули ищет меня. На топчане сидел старик, болезненный на вид. Поздоровались. Он представился: «Двоюродный брат Пурли – Сары Гутлымурат».

– Я сейчас не совсем здоров. Мы с земляками приехали из Ымарата. Видно, так судьбе было угодно, чтобы не на праздник, а на поминки. Хочу тебе передать разговор, который состоялся у меня с Пурли. Пусть он останется в памяти. В шестидесятые годы Пурли приехал в Ымарат погостить. Потом мы вместе поехали в Бамы. Я тогда спросил у него: «В народе говорят, что Довлетгельды Окдиров получил благословение от Пурли Сары. Правда ли это?» Вообще-то, Пурли был человеком неразговорчивым, суровым. Некоторое время он молчал, поглаживая кошму, словно собирался с мыслями. Потом взял в руки пиалу с чаем: «Довлетгельды настоящий багши». Вот его слова, и ты должен знать об этом. Пусть земля ему будет пухом!

– закончил свой рассказ Гутлымурат-ага.

Довлетгельды стойко переносил свалившуюся на него болезнь. Лежал в больнице, лечился, но ничего не помогло. Он мне сказал тогда:

– Брат, я ухожу.

– Не говори так, Бог даст, поправишься. Сколько еще песен тобой не спето! – пытался я его успокоить, подбодрить.

– Ничего, сам все доделаешь. Только обязательно сделай так, чтобы песни «Гозеллерден зыяда» и «Бедевлерден сайланарсын» дошли до народа.

– Ты их сам еще споешь, Довлетгельды!

– Вряд ли...

Довлетгельды мужественно боролся с болезнью. И только однажды, когда его пришли проведать однокурсниками и друзья, не смог удержать слез.

Он не любил болтливых людей. Молча смотрел на них. А если и возражал в чем-то, то старался делать это деликатно. Довлетгельды никогда не выискивал в человеке недостатки, никогда не говорил о них человеку в лицо, старался никого не обидеть.

В университете Довлетгельды получал повышенную, персональную стипендию: Половину этих денег отсылал отцу.

Семью содержал честным трудом. Знаю, откладывал деньги с зарплаты, копил на машину. «Москвич» тогда стоил четыре тысячи восемьсот рублей. Когда он собрал четыре с половиной тысячи и уже хотел было купить машину, цена подскочила до пяти тысяч девятисот рублей. Снова стал копить. Когда собрал пять тысяч шестьсот, «Москвич» уже стоил семь тысяч триста рублей. Он долгое время не мог «догнать» цену. И только в восемьдесят втором году он наконец-то купил «Москвича».

Ему совершенно был чужд дух предпринимательства. Как-то мы, два брата, отправились в село Гаравул в гости к знакомому Баратали. Какой-то человек передал Довлетгельды приглашение на свадьбу. Я выяснил, что свадьбу устраивает родственник Ходжалы-табипа в соседнем селе.

Я сказал Довлетгельды, что он должен принять приглашение, потому что табип спас его в детстве дважды: один раз, когда

его укусила змея, и во второй раз, когда он попал под колеса телеги и был сильно покалечен.

Довлетгельды был на этой свадьбе и с большим удовольствием пел. А песню «Зулпун» даже пришлось исполнять несколько раз «на бис». Словом, за его песни на этой свадьбе было собрано пять тысяч рублей. Это было в то время, когда рубль был полновесным. Довлетгельды отдал эти деньги хозяевам как свадебный подарок.

* * *

Довлетгельды отпраздновал 50-летие вместе с родными и друзьями. А через несколько месяцев его настигла тяжелая болезнь.

Он лежал в терапевтическом отделении Красного Креста. Я пришел проведать, рядом с ним находились два его сына. Он сильно осунулся, исхудал. Стал неузнаваемым. Видно, болезнь его сильно подкосила. Поздоровались. За два дня до моего посещения в газете «Эдебият ве сунгат» была опубликована статья о Довлетгельды. Он сказал, что в статье была неточность, что его благословил не Халлы-багши, а Мухы-багши.

Это мне передал накануне лечащий врач Довлетгельды, звонивший по его просьбе. Я пообещал, что в следующем номере газеты дадим поправку.

В тот день я просидел у Довлетгельды довольно долго. А когда стал прощаться, он сказал:

– Еген (племянник – он всегда меня так звал. А вообще-то, мы с ним были дальними родственниками, он мне приходился дядей), у меня к тебе просьба. Уже приближается.

Я не понял и спросил: «Что?»

Подумав немного, он продолжил:

– Подготовлено представление на меня. Если все получится, то ты обязательно дай мой портрет и напиши, что я ваш любимый багши, – и улыбнулся.

В палату вошел молодой врач. Довлетгельды повернулся к нему:

– Я хочу сообщить тебе один секрет. Когда я ложусь на левый бок, у меня горит в правом боку, а лягу на правый – слева жар.

– Довлетгельды-ага, надо это запомнить, – в тон ему ответил врач.

А вскоре Довлетгельды было присвоено звание заслуженного учителя высшей школы за номером один.

А было это так. На праздничном правительственном концерте, где присутствовал Сапармурат Атаевич Ниязов, была исполнена песня «Горы, выдавшие Фраги», написанная Довлетгельды. И тогда его друзья сообщили, что Довлетгельды тяжело болен. Используя удобный момент, они пожаловались Сапармурату Атаевичу на задержку в присвоении звания. Он тотчас же дал поручение заведующему отделом ЦК КПТ. И вскоре Довлетгельды было присвоено почетное звание. Кто знает, не подключись к этому делу Сапармурат Атаевич. Довлетгельды при жизни так и не дождался бы этого.

Мы поздравили Довлетгельды с присвоением почетного звания в «Эдебият ве сунгат», как он и хотел. В те дни его уже перевезли из больницы домой. По пути на работу я решил к нему зайти. Во-первых, навестить, а во-вторых, взять фотографию, чтобы поместить в газете. Его сын, названный именем Окдира-ага, массировал отцу ноги. Жена Огултач сообщила, что пришел Аллаяр, после чего он слабым голосом пригласил: «Заходи, еген». По нему было видно, что дела плохи. Он тогда вспоминал свое детство, трудности, перенесенные им в жизни.

– Ох, сколько пережито, еген! В детстве я надевал отцовские башмаки и шел по снегу в школу. Так мы и носили их по очереди. Помолчав, продолжил:

– Приходят ребята и говорят: «Проси все, что только душа желает – все найдем. А я им: «Не найдете». «Ты только скажи». А я говорю: «Хочу джейранье яблочко съесть». Но где они достанут? Оно созревает в апреле. Вкусное, во рту тает. Еген, ты когда-нибудь пробовал джейранье яблоко?

– Нет, – ответил я, испытывая неловкость за свой отрицательный ответ. «Ну какой же я горец?»

Я почувствовал, что Довлетгельды в эту минуту очень хочется вернуться в горы, среди которых прошло его детство и которые он воспевал всю свою жизнь. Разве мог я знать тогда, что он уже больше никогда не побывает в Конекесире и не увидит

буйного весеннего половодья красок?

Мы отобрали с Довлетгельды две фотографии. Одна особенно ему понравилась. Я взял ее с собой. В день выхода газеты я заглянул к Довлетгельды, прихватив пахнувший типографской краской свежий номер. «Поздравляем с наградой!» – прочитал он под своим портретом и тяжело вздохнул.

– Спасибо, еген!

Состояние его было неважное, и я не стал задерживаться. Прощаясь, он спросил:

– А фотографию ты не принес?

– Принесу, дядя!

Это была наша последняя встреча. Через несколько дней, 1 января 1990 года на пятьдесят первом году Довлетгельды ушел из жизни.

В этот день туркменский народ лишился своего певчего соловья. Нескончаемым потоком шли люди, чтобы проводить его в последний путь.

А.Чуриев.

«Ашгабат» № 8, 1194 год. Aýdym-saz sungaty